

— Я иногда дурак, иногда не дурак, ну и что? Тебе не нравится? Если не нравится, можешь терпеть, — Цзи Исянь смотрел на Янь Минцзюэ с видом, будто намеренно его раздражает, и словно говорил: «Ну давай, ударь меня, если осмелишься».

Сказав это, он с грохотом захлопнул дверь, оставив Янь Минцзюэ за порогом. Тот пришел, чтобы посмеяться над Цзи Исянем и насладиться его унижением, но вместо этого сам оказался в неловком положении.

— Цзи Исянь, не зарывайся слишком сильно, — Янь Минцзюэ говорил с яростью, сжимая кулаки.

Дверь была решетчатой, и Цзи Исянь, прислонившись к ней, смотрел на Янь Минцзюэ, как на клоуна:

— Ты знаешь, сколько раз я слышал эту фразу с детства? Я уже сбился со счета, но всё равно остаюсь таким же наглым.

— Пустая болтовня — это самое бесполезное в мире, но если ты даже в этом не можешь превзойти других, то это еще хуже, — с тех пор, как Цзи Исянь узнал, что травма Янь Цзиньюня была делом рук Янь Минцзюэ, и что он притворился инвалидом из-за него, он испытывал к Янь Минцзюэ сильную неприязнь.

— Солома, даже если её красиво упаковать, внутри всё равно останется соломой. Хорошее происхождение не значит всего, даже у дракона девять сыновей, и все они разные. Ты уступаешь Янь Цзиньюню во всём.

— И что с того!

С детства Янь Минцзюэ слышал, что он хуже Янь Цзиньюня. Он жил в его тени более двадцати лет, но теперь всё изменилось. Янь Цзиньюнь стал калекой.

— Я хуже его, но он теперь никто, отброс, которого отвергла семья Янь. У него нет права со мной соперничать, — Янь Минцзюэ стал истеричным. — Семья Янь теперь моя. Он, как бездомная собака, ищет другие пути. Его жалкая киностудия развалится, стоит мне лишь пальцем пошевелить!

Выслушав это, Цзи Исянь не разозлился, а лишь почувствовал жалость к Янь Минцзюэ. Он посмотрел на него с сочувствием:

— Янь Минцзюэ, разве ты не чувствуешь, что сам похож на бездомную собаку?

— Что ты сказал!

— Иногда человек больше всего хвастается тем, чего ему не хватает. Если бы ты действительно считал Янь Цзиньюня не стоящим внимания, ты бы не пытался снова и снова искать у него подтверждение своей значимости. В глубине души ты знаешь, что уступаешь ему.

Цзи Исянь говорил спокойно, словно констатировал факт:

— По сравнению с Янь Цзиньюнем, у тебя есть поддержка родителей, хитрость и злоба.

— Но что с того? Янь Цзиньюнь всё равно недостижим для тебя. Тридцать лет на востоке, тридцать лет на западе. Надеюсь, ты сможешь долго сидеть на своем троне.

Сказав это, Цзи Исянь больше не обращал внимания на Янь Минцзюэ, а подарки, которые тот принес, выбросил за дверь.

Бэнь-Бэнь не выходил, но внимательно слушал. Когда Цзи Исянь зашел внутрь, он спросил:

— Кто это был?

— Двоюродный брат Янь Цзиньюня.

В понимании Бэнь-Бэня двоюродный брат был очень близким родственником, и он продолжил спрашивать:

— Почему ты его не пригласил внутрь?

— Он не заслуживает! — Цзи Исянь фыркнул и сел на диван. — Бэнь-Бэнь, у богатых нет семьи. Даже если она есть, со временем её заменяют расчеты. Янь Цзиньюнь стал таким из-за своей дяди и его семьи.

— Боже! — Бэнь-Бэнь был в шоке. — Это ужасно! Почему они так поступили с Янь Цзиньюнем?

— Потому что он был слишком хорош.

— Что?

— Именно потому что он был слишком хорош.

Цзи Исянь решил подать в суд на фанатку, которая его обидела. Дата суда уже была назначена, и, как назло, это был день после того, как Янь Цзиньюню сняли гипс с ноги.

У Цзи Исяня тоже сняли швы с головы. Цинь Чжи не хотел, чтобы он присутствовал в суде, но Цзи Исянь настоял, и Янь Цзиньюнь не стал ему перечить.

Сегодня Янь Цзиньюнь поехал в больницу снимать гипс, и Цзи Исянь с Цинь Чжи сопровождали его. Снятие гипса не было сложной процедурой: врач просто снял гипсовую повязку.

Снятие гипса означало, что кость зажила, и теперь можно свободно двигаться. Но Янь Цзиньюнь всё ещё притворялся инвалидом, поэтому даже после снятия гипса он оставался в инвалидном кресле.

— Ты будешь притворяться до конца света? — Цзи Исянь снял швы с головы, и на том месте, где был разрез, волосы еще не отросли, что выглядело как лысина. Пришлось надеть шапку. Цинь Чжи ушел в кабинет врача, а Цзи Исянь сел рядом с Янь Цзиньюнем. — Я еще ни разу не видел, как ты стоишь.

Это была правда. Цзи Исянь никогда не видел Янь Цзиньюня стоящим и не знал, какого он роста.

— Вечером увидишь.

— На самом деле, мне не так уж и интересно, — Цзи Исянь снова начал юлить, хотя на лице уже была улыбка. — Кстати, я на днях выгнал Янь Минцзюэ и наорал на него. Он тебя не доставал?

— Зачем ему меня доставать? — Янь Цзиньюнь с презрением произнес имя Янь Минцзюэ. — Ты всё сделал правильно. Они не заслуживают того, чтобы ступить на нашу территорию.

Цзи Исянь боялся, что Янь Минцзюэ, этот дурак, действительно разозлится и начнет преследовать Янь Цзиньюня, уничтожив его киностудию.

— Главное, чтобы он тебя не трогал.

— Даже если он захочет нас достать, Янь Чжихуэй, этот старый лис, не позволит, — Янь Цзиньюнь усмехнулся. — Янь Минцзюэ — дурак, но его отец — нет.

— Это твой дядя? — Цзи Исянь видел Янь Чжихуэя только в день своей свадьбы с Янь Цзиньюнем, когда они подносили чай старшим. Тогда он просто сказал: «Дядя, пожалуйста, чай». Больше они не общались.

Поэтому он не знал Янь Чжихуэя, но по его внешнему виду было понятно, что это хитрый и опасный человек. Но почему у такого отца получился такой глупый сын? Ведь говорят, что у тигра не бывает телят!

— Он... — Янь Цзиньюнь начал говорить, но тут зазвонил телефон.

Янь Цзиньюнь не стал скрываться и сразу ответил. На другом конце провода прозвучал формальный голос:

— Второй молодой господин, старейшина Янь в критическом состоянии. У него отказывают органы, его уже отправили на реанимацию.

Услышав это, Янь Цзиньюнь побледнел, и его рука, держащая телефон, задрожала. Он взял себя в руки и сказал:

— Хорошо, я сейчас приеду.

— Янь Цзиньюнь... — Цзи Исянь не знал, что сказать, чтобы утешить его. Он взял его руку и сказал:

— Я поеду с тобой.

— Хорошо.

— Тогда я сейчас найду Цинь Чжи, чтобы он отвез нас, — сказал Цзи Исянь и побежал в кабинет врача.

В кабинете врач объяснял Цинь Чжи, что снятие гипса не означает полного выздоровления, и нужно быть осторожным.

Цзи Исянь постучал в дверь, дал Цинь Чжи знак, и тот вышел:

— Что случилось?

— Янь Цзиньюнь только что получил звонок. Старейшина Янь в критическом состоянии, его уже отвезли на реанимацию.

— Хорошо, — Цинь Чжи быстро попрощался с врачом, и они поспешили в больницу.

Когда они приехали, у реанимации находились только медсестра, которая ухаживала за старейшиной, и старый дворецкий, который позвонил Янь Цзиньюню.

Семья Янь Минцзюэ приехала через полчаса. Все они провели у реанимации более двух часов, пока, наконец, не вышел врач.

Старейшине Янь было уже 102 года, и в таком возрасте проблемы со здоровьем были связаны не с болезнями, а с естественным угасанием организма.

Врач, который много лет наблюдал за старейшиной, вышел и прямо сказал семье, чтобы они были готовы. Органы старейшины отказывали, и аппараты искусственного поддержания жизни только продлевали его мучения.

<http://bllate.org/book/16731/1539110>